

ИЛЬИЧЁВ
Станислав Алексеевич

бакалавриат, Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева (Москва,
Россия),
ilyichovsa@gmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ АКЦИЙ ПРОТИВ ФЕСТИВАЛЯ «СОВЁНОК-ФЕСТ»

Научный руководитель:

Бедретдинова Валерия
Валерьевна

Рецензент:

Азимов Эльдар Мехтиярович

Статья поступила: 21.07.2025;

Принята к публикации: 28.09.2025;

Размещена в сети: 28.09.2025.

Аннотация. Статья анализирует инциденты против фестиваля «Совёнок-Фест» как пример трансформации субкультурного конфликта из цифровой среды в реальные правонарушения. Исследуется юридическая квалификация совершенных деяний через призму состава хулиганства, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Проводится отграничение от смежных составов (массовые беспорядки, экстремизм) и анализируется мотивация участников. Делается вывод о необходимости адаптации правоприменительной практики к новым формам социально-конфликтного поведения.

Ключевые слова: уголовно-правовая квалификация, хулиганство, субкультурный конфликт

Для цитирования: Ильичёв С. А. Уголовно-правовая деконструкция акций против фестиваля «Совёнок-Фест» // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 3. С. 63–67.

Экспоненциальное развитие информационно-телекоммуникационных технологий не только трансформирует социальные и экономические отношения, но и ставит перед системой уголовной юстиции вызовы принципиально нового порядка. Границы между виртуальным и физическим мирами становятся все более проницаемыми. Противостояния, возникающие в рамках анонимных интернет-сообществ, обретают потенциал к эскалации и переносу в физическую реальность, что порождает уникальные объекты для уголовно-правового исследования. В этой связи особый научный интерес представляет многолетний конфликт вокруг тематического фестиваля «Совёнок-Фест», который материализовался в серию скоординированных атак на его участников и организаторов.

Предметом конфликта стал ежегодный тематический фестиваль «Совёнок-фест», представляющий собой ролевое мероприятие, которое реконструирует вымышленную вселенную и атмосферу популярной визуальной новеллы «Бесконечное лето». Катализатором конфликта послужили обвинения, выдвинутые частью фанатского сообщества в адрес организаторов, в коммерциализации мероприятия и отходе от первоначальных, некоммерческих идеалов первоисточника. Эти обвинения, распространяемые через анонимные интернет-форумы, послужили идеологической базой для серии реальных противоправных акций. Характер нападений отличался широким спектром методов и изобретательностью: от ночных вторжений на территорию лагеря, сопровождавшихся подрывами мощной пиротехники и применением дымовых шашек с целью создания паники, до целенаправленного повреждения имущества, распыления в

жилых помещениях химических веществ с резким запахом и актов вандализма. В отдельных эпизодах конфликт перерастал в прямые физические столкновения, а для атак использовались такие нетривиальные средства, как самодельные устройства для распыления жидкостей и даже беспилотные летательные аппараты для сброса предметов на территорию фестиваля.

Данный феномен выходит за рамки типичных криминальных сценариев. Его генезис и развитие неразрывно связаны с цифровой средой, а мотивация участников лежит в плоскости субкультурных противоречий, а не традиционных корыстных или насильственных побуждений. Это создает определенные трудности для правоприменителя, вынужденного адаптировать существующие нормы к нетипичным фактическим обстоятельствам. Как справедливо отмечает Е.А. Русскевич, «появление нового (информационного) способа совершения преступления не указывает априори на его большую опасность по сравнению с традиционным, но во многом свидетельствует о проблеме отставания социального контроля от развития общества и изменений в преступности» [Russkevich: 145]. Цель данной статьи — провести детальную уголовно-правовую деконструкцию акций, направленных против фестиваля, и предложить их наиболее адекватную юридическую квалификацию, выявив ключевые признаки и проблемы правовой оценки.

* * * * *

Для правильной квалификации деяний необходимо проанализировать их генезис и мотивационную основу. Конфликт вокруг «Совёнок-Феста» зародился на интернет-форумах как дискуссия между двумя группами: участниками и организаторами фестиваля, с одной стороны, и частью фанатского сообщества, с другой. Последние считали, что организаторы коммерциализируют и искажают идеи первоисточника — визуальной новеллы «Бесконечное лето», — извлекая при этом необоснованную прибыль и унижая рядовых участников. Изначально конфликт протекал в форме онлайн-дискуссий и интернет-травли (кибербуллинга), которая, по определению исследователей, представляет собой «преднамеренные оскорбления, угрозы, клевету или разглашение компрометирующей информации» [Gracheva: 136].

Цифровая среда стала идеальным инкубатором для радикализации оппонентов фестиваля. «Привлекательность совершения преступлений через интернет обусловлена рядом обстоятельств: иллюзией анонимности; транснациональным характером этих преступлений;... мгновенным обменом информацией; скрытностью интернета для подготовки преступлений» [Gracheva: 142]. Анонимность и эффект «эхо-камеры», где участники сообщества подкрепляют убеждения друг друга, способствовали формированию устойчивой идеологической платформы и чувства групповой правоты. В результате произошло смещение фокуса с виртуальной критики на реальное физическое противодействие. Недовольство переросло в намерение активно сорвать мероприятие, наказать его организаторов и участников, что и послужило непосредственным мотивом для совершения серии противоправных деяний.

Центральным вопросом является квалификация совершенных акций. Анализ их объективных признаков позволяет сделать вывод о наибольшей релевантности состава хулиганства (ст. 213 УК РФ)¹, причем в его квалифицированной форме.

Объектом данного преступления выступает общественный порядок. Под ним понимается сложившаяся в обществе система отношений между людьми, правил взаимного поведения и общежития, обеспечивающая общественное спокойствие, неприкосновенность личности и имущества. Действия нападавших были прямо направлены на подрыв этой системы в рамках конкретного, локализованного пространства — территории лагеря отдыха.

Они грубо нарушали право участников фестиваля на спокойный и безопасный отдых, создавали атмосферу страха и враждебности.

Объективная сторона состава выражается в грубом нарушении общественного порядка, явном неуважении к обществу, совершенном с применением предметов, используемых в качестве оружия. «Грубость» нарушения в данном случае не вызывает сомнений и проявляется в комплексе действий: во-первых, в способе совершения акций. Они носили характер внезапных, дерзких вылазок, зачастую в ночное время, что само по себе свидетельствует о пренебрежении к нормам общежития.

Во-вторых, в применении специальных средств для усиления устрашающего эффекта. Использовались мощные пиротехнические изделия (петарды, дымовые шашки), устройства для распыления химических веществ с резким неприятным запахом. Данные предметы, хотя и не являются оружием в строгом смысле слова, в контексте хулиганских действий использовались в качестве оружия, то есть как средство для психического (устрашение, создание паники) и физического (причинение дискомфорта, временной дезориентации) воздействия на потерпевших.

В-третьих, в публичности и демонстративности. Целью было не просто нанести вред, а сделать это максимально резонансно, с последующим освещением в интернете. Это подчеркивает направленность на унижение оппонентов и явное неуважение не только к ним, но и к обществу в целом.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и наличием хулиганского мотива. Именно анализ мотива является ключом к правильной квалификации. Несмотря на декларируемую идеологическую подоплеку («борьба за чистоту идей»), доминирующим мотивом выступает именно хулиганский. Его сущность раскрывается в желании противопоставить себя устоявшимся нормам поведения и конкретной социальной группе. Как отмечают О.Ю. Савельева и С.В. Кондратюк, «о "явности" неуважения лица к обществу, по мнению Верховного Суда РФ, свидетельствует умышленный характер нарушения общепризнанных норм и правил поведения, продиктованный желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним» [Савельева: 383]. Именно это стремление — демонстративно противопоставить свою группу («набегаторов») группе оппонентов («фистунов») и общепринятым нормам отдыха и безопасности — и лежит в основе совершенных деяний. Декларируемые «высокие» цели служат лишь самооправданием для совершения низменных, по своей сути, хулиганских действий.

Наконец, ключевым квалифицирующим признаком является совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 213 УК РФ). Факт предварительного сговора неоспорим, поскольку акции планировались и координировались заранее через интернет-ресурсы, участники распределяли роли (разведка, непосредственное нападение, информационное освещение), согласовывали время и место атак, а также используемые средства.

Для точности квалификации необходимо отграничить рассматриваемые деяния от ряда смежных, но, на наш взгляд, неприменимых составов.

1) Массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ). Несмотря на групповой характер и применение насилия в отдельных эпизодах, действия «набегаторов» не достигали степени общественной опасности, характерной для массовых беспорядков. Их тактика носила характер партизанских вылазок, а не открытого противостояния толпы представителям власти или уничтожения имущества в масштабах, присущих погромам. Как указывает С.А. Елисеев, «квалификация содеянного по ст. 212 УК РФ возможна лишь в случае агрессивных действий толпы в виде массового насилия, погромов, поджогов, уничтожения

имущества» [Елисеев: 33]. Такого масштаба в ситуации «Совёнок-феста» не наблюдалось. Исследователи отмечают, что «оказание вооруженного сопротивления представителям власти во время массовых беспорядков не требует дополнительной квалификации по статье 318 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Кургузкина: 383], что подчеркивает системный и масштабный характер насилия, которого в рассматриваемой ситуации не было.

2) Хулиганство по мотивам идеологической ненависти или вражды (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Этот аспект наиболее сложен для анализа. Участники акций были движимы определенной идеологией, но относится ли она к экстремистской? Представляется, что нет. Их ненависть была направлена не на социальную, религиозную или национальную группу в понимании законодательства о противодействии экстремизму, а на узкую субкультурную группу оппонентов. Это внутренний конфликт в рамках одного фандома. Более того, как указывают исследователи, хулиганский и экстремистский мотивы по своей природе антагонистичны. «Очевидно, что оба этих мотива (хулиганский и экстремистский) противоречат друг другу — в их основе лежат отличные в корне стремления, поэтому п. "б" ч. 1 ст. 213 УК РФ — экстремистский мотив необходимо исключить из нормы об уголовной ответственности за хулиганство — ст. 213 УК РФ» [Жиров: 106]. В нашем случае доминирует именно желание эпатировать и нарушить порядок, а субкультурная идеология выступает лишь как повод и оправдание.

* * * * *

Проведенная деконструкция позволяет сделать вывод, что совокупность акций, известных как «набеги на Совёнок-Фест», с наибольшей вероятностью должна квалифицироваться как хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в том числе с применением предметов, используемых в качестве оружия. При этом отдельные действия участников могут образовывать и самостоятельные составы преступлений, такие как умышленное повреждение чужого имущества или причинение вреда здоровью различной степени тяжести, что требует отдельной оценки в рамках каждого конкретного эпизода.

Данная ситуация является ярким маркером современной криминальной реальности. Она наглядно демонстрирует, как конфликты, зародившиеся в анонимной цифровой среде, способны порождать сложные, многоэпизодные и идеологически мотивированные преступления в реальном мире. Это подчеркивает актуальность дальнейшего научного осмысления правовой природы субкультурных конфликтов и необходимость адаптации существующих уголовно-правовых механизмов для эффективного реагирования на новые вызовы, брошенные обществу эпохой цифровизации.

Примечания

¹ Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года: ред. от 21.04.2025 // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 10.08.2025). Далее цитирование проводится по этому же источнику.

Список литературы

Елисеев С.А. Определение массовых беспорядков в уголовных законах России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 32-41. DOI 10.17223/22253513/38/4

Жиров Р.М. Проблемные вопросы эволюционных изменений нормы об уголовной ответственности за хулиганство — ст. 213 УК РФ / Р.М. Жиров, З.А. Шибзухов, А.Р. Виндижев, Н.Н. Коновалов // Право и практика. 2018. № 4. С. 104-108.

Кургузкина Е.Б. Некоторые проблемы квалификации уголовно наказуемых массовых беспорядков / Е.Б. Кургузкина, Н.А. Власова // Пенитенциарная наука. 2024. № 4(68). С. 376-384. DOI

Савельева О.Ю. Хулиганство как преступление и административное правонарушение / О.Ю. Савельева, С.В. Кондратюк // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 4(29). С. 382-385. DOI 10.26140/bgз3-2019-0804-0089

Gracheva Y. Criminal law treatment of deviant behavior in media and social networks / Y. Gracheva, S. Malikov, A. Chuchayev // Legal Issues in the Digital Age. 2021. № 1. P. 123-143. DOI 10.17323/2713-2749.2021.1.123.144

Russkevich E. Palingenesis of criminal law in the conditions of digital reality // Legal Issues in the Digital Age. 2021. № 1. P. 145-158. DOI 10.17323/2713-2749.2021.1.145.159

Law

Stanislav A. ILYICHOV

bachelor's degree, Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev (Moscow, Russia),
ilyichovsa@gmail.com

CRIMINAL LAW DECONSTRUCTION OF RALLIES AGAINST THE SOVYONOK-FEST FESTIVAL

Scientific adviser:

Veleria V. Bedretdinova

Reviewer:

Eldar Azimov

Paper submitted on: 07/21/2025;

Accepted on: 09/28/2025;

Published online on: 09/28/2025.

Abstract. The article analyzes incidents surrounding the Sovyonok-Fest festival as an example of subcultural conflict that migrates from digital platforms to real-world offenses. It examines the legal qualification of the committed acts through the lens of hooliganism committed by a group acting under prior conspiracy. The study differentiates these acts from related offenses, such as mass riots and extremism, and investigates the motives of the participants. The findings underscore the need for law enforcement practices to adapt to new forms of socially disruptive behavior.

Keywords: criminal law qualification, hooliganism, subcultural conflict

For citation: Ilyichov, S. A. Criminal Law Deconstruction of Rallies Against the Sovyonok-Fest Festival. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (3): 63–67.

References

Eliseev S.A. Definition of mass riots in Russian criminal laws. *Tomsk State University Journal of Law*, 2020, No. 38, pp. 32-41. (In Russ.)

Zhirov R.M., Shibzukhov Z.A., et al. The problematic issues of evolutionary changes in the norm on criminal liability for hooliganism — Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Law and Practice*, 2018, No. 4, pp. 104-108. (In Russ.)

Kurguzkina E.B., Vlasova N.A. On some problems of qualifying criminally punishable mass riots. *Penitentiary Science*, 2024, No. 4(68), pp. 376-384. (In Russ.)

Savelyeva O.Yu., Kondratiuk S.V. Hooliganism as a crime and administrative offense. *Baltic Humanitarian Journal*, 2019, No. 4(29), pp. 382-385. (In Russ.)

Gracheva Y., Malikov S., et al. Criminal law treatment of deviant behavior in media and social networks. *Legal Issues in the Digital Age*, 2021, No. 1, pp. 123-143.

Russkevich E. Palingenesis of criminal law in the conditions of digital reality. *Legal Issues in the Digital Age*, 2021, No. 1, pp. 145-158.